

Сделал дело

В этом году издателю, поэту, прозаику, редактору и переводчику Александру Барсукову исполнилось 65 лет. Родился он в 1956 году на Сахалине, полжизни прожил в Ленинграде. Сегодня живёт и работает в городе Гельзенкирхен, на западе Германии.

Надежда Рунде

С 2000 года Александр Барсуков возглавляет литературное объединение «Эдита Гельзен», редактирует журнал „EDITA“ и альманах «BEK XXI». Объём работы издательства будоражит воображение. За 20 лет Александр Барсуков выпустил почти тысячу авторских книг, коллективных сборников и антологий, из них более ста на немецком языке. Особое место занимают книги о переселенцах, истории и литературе российских немцев, об интеграции на исторической родине. В этом смысле интересны сборник статей „Ecken und Kanten. Ein Insider Blick auf Einwanderungsproblematik“, подготовленный по материалам журнала Землячества немцев из России „Volk auf dem Weg“ и газеты немцев Казахстана „Deutsche Allgemeine Zeitung“, а также книга „Schicksale“.

Что за всем этим стоит, нам предстоит узнать из интервью с юбиляром. Александр переехал в Германию в 1994 году. Поначалу трудился переводчиком в социаламте, а затем издавал „GUS-Nachrichten“, правовой бюллетень на немецком языке. Наконец, в 1999 году на литературном горизонте появился созданный им литературный журнал-альманах «BEK XXI», первый выпуск которого был представлен на 52-ой книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне.

- Даты и юбилеи имеют для Вас какое-либо значение?

– Пожалуй. Но только по-настоящему личные: дни рождения детей, юбилеи свершений, круглые даты в «отношениях». Остальные праздники мне, по правде говоря, безразличны, хотя я и стараюсь этого не показывать, чтобы не обижать тех, кто празднует искренне.

- Мыслили ли Вы когда-либо подобным образом: «Мне уже столько, а для вечности не сделано ровным счётом ничего».

– Нет, такого никогда не было – вечность как философская категория меня не интересовала.

- Чему научила Вас Германия?

– Мне кажется, чему она меня научила, я знал и раньше, просто здесь это стало для меня абсолютной нормой. Отец с детства твердил мне «ищи себе работу» – то есть не слоняйся без дела, думай, планируй, верши. Он же указал мне на омонимичность немецких слов «гнилой» и «ленивый» – faul. Ни тем, ни другим мне быть не хотелось – и вот я в стране, где так ощущает свою жизненную миссию практически каждый. Кстати, и распущенная нынешняя молодежь со временем тоже, несомненно, остепенится и займётся делом – в это я искренне верю.

- С чего Вы здесь начали? Какими принципами руководствовались?

– Главное для этого, конечно, – «встать на ноги», сделаться независимым от амтов, пособий, подачек, тафелей. Тогда в принципе можно заниматься тем, что считаешь для себя важным. Когда литобъединение только начиналось, я работал автомехаником

Фото: личный архив Александра Барсукова

На презентации книги «Heimatgeschichte in den Strassennamen Gelsenkirchens», Гельзенкирхен, 2018

в местном таксопарке: целый день менял сцепления на мерседесах, стоя в масляной закоптелой яме под машиной, проводил полные инспекции «фурпарка», пререкался с разгильдяями-водителями, привозившими с ночной смены гнутые рулевые тяги и битые крылья.

Руководитель малого предприятия по авторемонту, Санкт-Петербург, 1988

А вечерами до глубокой ночи верстал поступавший от авторов самотёком материал или же писал отказы графомаман, не без этого. Принципов никаких не было – всё делалось на живую нитку. Это, наверное, и есть пассионарность в гумилёвском её понимании.

- В чём заключалась Ваша интеграция в немецкое общество?

– Каждый народ имеет право на свой дом и культуру. Я с самого начала не то чтобы придерживался этой мысли – никакой другой в отношении местного населения у меня просто не было. И это весьма скоро, наряду с определенной ремесленной квалификацией, дало свои результаты: зауважали коллеги, появились настоящие друзья из местных.

- Тонкий лирик и издатель – как Вам десятилетиями удаётся держать баланс, демонстрируя чудеса эквилибристики словом и делом?

– Безо всякой позы отвечу, что трудного тут нет ничего. Высокое компенсирует низкое, а земное уравнивает пафос – то есть имеет место как раз тот самый баланс, который Вы упомянули. И поддерживать его легко именно в статусе предпринимателя, когда ты не связан определенными часами работы, инициативами начальства.

- Андрей Тарковский не воспринимал поэзию как жанр. Он говорил: «Поэзия – это мироощущение, особый характер отношения к действительности. В этом случае поэзия становится философией, которая руководит человеком всю жизнь». У Вас есть собственное определение?

– В этом я полностью согласен с Тарковским, тут нечего больше придумывать. Но моё личное отношение к стихосочинительству можно назвать осторожным: я человек увлекающийся, и если «отпущу вожжи», то кончиться это может плохо – издательство зачахнет, друзья-приятели разбегутся, а сам я буду с ночи до утра ходить маятником по захлапленной комнате и бормотать рифмы. Причем, вероятно, еще и нетрезвым. «Поэт в доме – беда для семьи» – в этой шутке немалая доля истины.

- Литературное бытие многообразно. Беседы союзников по духу за чашечкой кофе, разговоры ни о чём и обо всём, обсуждение новых публикаций. Ваш побудительный мотив издавать русские сборники и антологии в Германии заключался в объединении творческих сил?

– Сборники и антологии, как и журнал „EDITA“, уже давно не германские: основной авторский корпус – с «материка», и это, как я считаю, очень хорошо: не следует замыкаться в своей локальной, местечковой проблематике. А об объединении творческих сил я никогда не думал. Литературное творчество

в принципе индивидуально, и даже если нужны обсуждения или здоровая критика, то всё это не получается за чашечкой кофе, это серьезная работа, требующая напряженного внимания, «включения». А насколько мне по душе издательская деятельность, ответить сложно – во всяком случае радость от открытия и продвижения одаренных начинающих авторов заметно перевешивает понятное раздражение от издания вещей тяжелых, претенциозных и неталантливых, что, конечно, тоже нередко приходится делать.

- В том числе Вы издали немало книг немцев из России, Казахстана, Кыргызстана, пропустили через себя массу фактического материала. В чём, на Ваш взгляд, ценность этих писаний, зачастую далеко отстоящих от литературы как таковой?

– Они фиксируют дух времени, пускай порой и слегка тенденциозно. Если мне интересно развитие революционного движения в России, я открываю «Клима Самгина» Горького, а не учебники по истории и не статьи в Википедии. То же и с немецкими авторами из бывшего Союза. Пишущий всегда «проговаривается» в деталях, в ткань повествования невольно проникают флэшмобы и мемы, как это сейчас называют, характерные для описываемых времени и обстоятельств и ставшие для автора кровно-привычными, так что сам он их уже не замечает. Тут можно привести немало примеров, но это, конечно, тема не для объема интервью.

- Могли бы Вы назвать пару изданий этого ряда, особо врезавшихся в память?

– Помимо множества краеведческих работ, описания немецких поселений и «немецкой жизни» в Сибири, Казахстане или Кыргызстане большое впечатление произвели на меня своей обстоятельностью работы Егора Гамма «Общественное движение российских немцев» и Нелли Кнаур «Немцы древнего края». Особое место в нашем издательском списке занимают многочисленные публикации Венделина Мангольда.

- Чем душа успокоилась? Какие планы на будущее?

– А душа вроде не очень и беспокоилась – когда делаешь то, что считаешь нужным, душе живется довольно уютно. Не ставить себе непосильных задач, не грезить о химерах – всё это вроде бы ясно и просто. Одна поэтесса из Амстердама называет такой подход «несвершениями» – дескать, океан не переплыл, на Эверест не забрался, тирана не застрелил. Но ничего этого мне и не хочется, вот ведь в чем собака зарыта. А планы?.. Шестидесять пять – солидный возраст. Надо вот бросить курить. Остальное приложится.

– Благодарю Вас от лица всех читателей и писателей за неутомимую многолетнюю издательскую деятельность, высокое поэтическое мастерство, которые достойны уважения и восхищения. Спасибо за интересный рассказ о жизни и творчестве. ■